

Алексей МИХАЛЕВ

«РУССКИЙ ВОПРОС» В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МОНГОЛИИ XX ВЕКА

В представленном исследовании анализируется проблема влияния международной политической конъюнктуры на положение русской диаспоры в Монголии.

The problem of the influence of the international political conjuncture to the Russian diaspora position in Mongolia is analyzed in the article.

Ключевые слова:

русские, Монголия, СССР, диаспора, политика; Russians, Mongolia, USSR, diaspora, policy.

Проблема влияния внешнеполитических факторов на жизнь русской диаспоры в Монголии XX в. особенно актуальна в рамках программы «Соотечественники». По сей день международный контекст политики в отношении русских диаспор XX в. остается практически не изученным, тогда как столетняя история одной из самых крупных русских колоний в Азии содержит в себе огромный социокультурный опыт адаптации людей к условиям постоянных изменений векторов геополитики в регионе.

Особенности социального состава русской диаспоры в Монголии

Основная особенность изучаемой диаспоры состояла в том, что большинство ее представителей относились либо к крестьянам, либо к забайкальским казакам. В Монголии жили и русские колонисты дореволюционного периода (так называемые столыпинские поселенцы)¹. В послереволюционный период миграция в Монголию носила преимущественно нелегальный характер. В 1920-х гг. люди бежали в Монголию, спасаясь от голода, коллективизации, расказачивания и репрессий, в поисках работы (на угольные шахты Налайха). В 1921–1934 гг. в Монголию мигрируют и буряты. Позже была установлена четкая демаркационная линия между СССР и МНР. Граница перестает быть формальной, становится хорошо охраняемой, что сводит к нулю миграционный поток.

По оценке монгольского исследователя Н. Цэцэгмы, численность русских в Монголии того периода составляла 10 000 чел.² Опираясь на материалы воспоминаний и семейных историй, можно сделать вывод о том, что в среде этих людей было немало участников Гражданской войны (со стороны Белого движения), т.е. людей, разыскиваемых советскими властями. Однако говорить о том, что русская община в Монголии полностью состояла из «антисоветских элементов», нельзя. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в 1920-х–1930-х гг. для работы на монгольских предприятиях советских концессий активно привлекались на добровольной основе советские специалисты. В 1920-х гг. Советский Союз расширяет спектр институтов присутствия в Монголии: помимо Коминтерна, начинает действовать представительство ВОКС

МИХАЛЕВ

Алексей

Викторович –

к.и.н., доцент

Бурятского

государственного

университета,

г. Улан-Удэ

mihalew80@mail.ru

¹ Усова Н.В. Постоянно проживающие в Монголии российские граждане внесли большой вклад в ее развитие // Русские в Монголии. – Улаанбаатар, 2009, с. 131.

² Цэцэгма Т. Демографическая характеристика русской общины г. Улан-Батора // Русские в Монголии. – Улаанбаатар, 2009, с. 75.

(Всесоюзное общество культурной связи с заграницей). Все эти люди вступали во взаимодействие друг с другом и с представителями сообщества вынужденных мигрантов. Отношения между этими группами русскоязычного населения часто несли конфликтный потенциал.

Все это формировало негативный образ русской диаспоры в Монголии, которая плохо вписывалась в идеологические проекты ВКП(б) и МНРП. Однако в итоге она была движущей силой модернизационных процессов в МНР. Русские рабочие трудились на большинстве предприятий Монголии, строили фабрики, развивали инфраструктуру. Русские крестьяне основали один из первых госхозов-миллионеров. При этом абсолютное большинство среди русской диаспоры на уровне государства считалось антисоветскими элементами.

Японский фактор (1930-е гг.)

Этот период в истории русской диаспоры связан с политическими репрессиями. Волна репрессий прошла по значительной части русских деревень. Основным мифом, легитимировавшим этот террор, был «заговор семеновцев». Семеновцами после Гражданской войны стали называть практически всех представителей белоказачьего движения Забайкалья. Сам атаман Г.М. Семенов скрывался на территории Манчжурии вместе с остатками своих отрядов и в эмиграции активно сотрудничал с японцами. В 1945 г. он был экстрадирован в СССР и казнен. Как свидетельствуют материалы воспоминаний¹, до середины 1920-х гг. на территории Монголии располагались базы различных антисоветских повстанческих отрядов. Многие из участников этих формирований осели в МНР и впоследствии были ликвидированы советскими и монгольскими спецслужбами. Однако контактов с Г.М. Семеновым и японцами большинство из них не имели и существовали автономно.

В конце 1930-х гг. репрессии против бурят и русских в Монголии не имели серьезных геополитических оснований. Они носили сугубо превентивный характер и были спровоцированы тем, что с 1932 по 1938 гг. на территории Манчжурии японцы стали формировать военные под-

разделения из русских эмигрантов, в большинстве своем забайкальских казаков, старообрядцев и представителей других социальных групп, активно сопротивлявшихся установлению советской власти. Наибольшую известность получила бригада Асано, сформированная из эмигрантской молодежи и опытных военных, прошедших Гражданскую войну². В 1939 г. это подразделение нанесло своими диверсионными действиями существенный урон советско-монгольским войскам на Халхин-Голе. Все это склоняет нас к гипотезе о том, что репрессии против русских колонистов в Монголии проводились с целью предупредить их возможное выступление в тылу в случае войны с Японией и Манчжоу-го.

В это же время большую часть русских колонистов переселяют из приграничных с СССР аймаков Монголии в Центральный аймак под предлогом расширения границ земледелия в связи с коллективизацией. С этого времени большая часть русского населения Монголии состоит в государственных хозяйствах (госхозах). Как правило, они, находясь за пределами Родины, не имели паспортов, и госхозы с их учетной системой являлись основным инструментом контроля за этой группой населения.

Китайский фактор (1960-е–1970-е гг.)

После разгрома Японии во Второй мировой войне и создания КНР в 1949 г. русские эмигранты, жившие в Манчжоу-го, были репрессированы и либо эмигрировали в Южную Америку, либо остались жить на китайской территории. Последние адаптировались к условиям нового политического режима в Китае, их потомки живут в этой стране по сей день³. В 1960-х гг. советско-китайские отношения обострились. В этом противостоянии мы выделим два этапа, разграничивающих период почти пятнадцатилетней вражды. Первый связан с событиями на о. Даманский в 1969 г. и прямым советско-китайским во-

² Ямпольский В.П. Русские эмигранты на службе Квантунской армии // Военно-исторический журнал, 1997, № 5, с. 60–61.

³ Пешков И.О. Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских Трехречья // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск : Оттиск, 2010, с. 601–616.

¹ Шестаков В. Души их во благих водворятся и память их в роде и род // Православная Бурятия, 2011, № 24(247), с. 6–7.

оруженным конфликтом. Второй был обусловлен китайско-вьетнамской войной 1979 г., в которой СССР открыто поддерживал Вьетнам. Все это определило стратегическое значение Монголии как геополитического буфера между СССР и КНР. На ее территории с середины 1960-х гг. была сосредоточена огромная группировка Советской армии. Так, Е.И. Лиштованный отмечает: «Китай создавал серьезную напряженность на границах с Монголией. Только за десятилетие, с 1969 по 1978 гг., китайской стороной в непосредственной близости от монгольских границ более 250 раз проводились военные учения. За этот период Китаем на приграничной территории с Монголией было произведено 87 тыс. взрывов, китайские военные более 400 раз нарушали границу с целью сбора разведывательных данных, а также открывали огонь по стадам»¹. Положение русских эмигрантов в Монголии серьезно осложнилось. Дело в том, что на протяжении 1930-х–1940-х гг. происходил процесс метисации русских, живших в Монголии, с китайцами. Последние были активными участниками торговли с Российской империей, поэтому многие владели русским языком, имели русские имена, были крещеными². В ходе этих смешанных браков образовался особый фенотип русского креольского населения Монголии, получивший бытовое название «местнорусские». Кроме того, до конца 1950-х гг. МНР активно привлекала китайскую рабочую силу в сферу строительства. Значительная часть мелкорозничной торговли и услуг в г. Улан-Баторе была представлена китайскими магазинами, цирюльнями лавочками. После того как в начале 1960-х гг. руководство Монголии вытеснило их из страны, под пристальное внимание советских и монгольских спецслужб попали метисы, номинально считавшие себя русскими.

В условиях осложнившейся международной обстановки местнорусские Монголии постоянно подвергались социальной эксклюзии и рассматривались как потенциальная «пятая колонна». Их (за

небольшим исключением) не принимали в КПСС, комсомол и другие советские организации, открывавшие доступ к вертикальной мобильности. Права и статус советских граждан, равно как и общегражданские загранпаспорта СССР, им были предоставлены лишь в 1979 г. Нужно оговориться, что и основной массе советских колхозников паспорта были выданы примерно в то же время. К концу 1970-х гг. многие представители русской диаспоры в Монголии были пенсионерами, немало было и ветеранов Великой Отечественной войны, однако правами и льготами, положенными этой категории граждан Советского Союза, они пользоваться не могли. Не будучи допущенными к работе на стратегических объектах МНР, местнорусские были лишены возможности престижного потребления. После распада СССР значительное число местнорусских Монголии под давлением различных факторов (экономических, этнических, социальных) покинуло эту страну — численность русской диаспоры в стране сократилась почти в 10 раз.

Фактор русского мира в XXI в.

В первом десятилетии XXI в. начался процесс возвращения России на «Большой Восток»³, связанный с восстановлением ее присутствия в азиатской сфере влияния бывшего СССР. Все это тесно переплетается с государственной политикой поддержки русской диаспоры, русского языка и русской культуры, получившей название политики конструирования русского мира. По мнению академика РАН В.А. Тишкова, «русский мир — это трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, которое объединено своей причастностью к определенному государству [России] и своей лояльностью к его культуре»⁴. Начиная с нулевых годов, фонд «Русский мир» выделяет гранты, направленные на поддержку соотечественников за рубежом, в т.ч. и диаспоры в Монголии. Местнорусские Монголии оказались в центре внимания СМИ и политиков. Разворачивается массовая информационная, социальная и правовая поддержка ветеранов русской диаспоры и

¹ Лиштованный Е.И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007, с. 36.

² Маслов А.И. История образования российской диаспоры в Монголии // Русские в Монголии. — Улаанбаатар, 2009, с. 67.

³ Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). — М.: АСТ, 2007.

⁴ Тишков В.А. Русский мир: смыслы и стратегии // www.etnograf.ru/node/92

ветеранов Великой Отечественной войны, живущих в Улан-Баторе. После визита в 2000 г. В.В. Путина в Монголию русским, постоянно проживающим на территории этой страны, было разрешено приобретать в частную собственность жилье.

Начало XXI в. характеризуется восстановлением прихода Русской православной церкви в Улан-Баторе, которая играет большую роль в поддержании русской идентичности в инокультурной среде. На базе Свято-Троицкого прихода открылась воскресная школа. В ней основам православия обучаются как русские, так и монголы.

По данным на 2000 г., число русских, постоянно проживающих в Монголии (местнорусских), составляет 1 400 чел.¹ Все представители данной группы имеют гражданство РФ, право постоянного проживания в Монголии, а также юридические основания для приобретения частной собственности в этой стране. На территории Монголии ведут активную деятельность российские национально-культурные центры: Общество российских граждан в Монголии, Ассоциация российских соотечественников, Российский центр науки и культуры. Большое значение имеет создание в 2008 г. Россотрудничества (Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству): было открыто представительство Россотрудничества в Монголии, работающее на базе Российского центра науки и культуры. Современная политика в отношении соотечественников в этой стране институционально представлена достаточно хорошо, однако число представителей русской диаспоры в Монголии с каждым годом уменьшается. Причины не только в естественной убыли, но и в масштабном возвращении в страну исхода, в

Россию, где уровень жизни значительно выше, чем в принимающем государстве.

Уникальность изучаемой ситуации заключается в том, что на протяжении почти 100 лет она зависит от геополитических процессов в регионе. Политическое противостояние или вектор стратегического партнерства в равной степени определяют положение людей, в силу разных причин оказавшихся за пределами Родины. Благоприятная политическая конъюнктура начала XXI в., связанная с возвращением России на «Большой Восток», побудила значительное число исследователей и политических деятелей обратить внимание на проблему русских в Монголии. Сегодня мы имеем возможность наблюдать формирование в России нового политического мышления, сформированного дискурсом о «русском мире». Оно начинает влиять на дизайн государственной политики в отношении соотечественников, русского языка и русской культуры за рубежом. При этом русский мир как некая социокультурная реальность в Монголии уже практически исчез, прежде всего под влиянием постсоветских/постсоциалистических трансформаций. Современная диаспоральная политика в первую очередь связана с памятью об этом явлении.

Важно и то, как она структурируется и преподносится обществу. Аспект секьюритизации проблемы во властном дискурсе чаще всего оказывается упущенным. В то же время акцент на данном факторе кажется нам весьма перспективным, поскольку позволяет понять причины и контексты событий, определявших судьбу русской диаспоры как в Монголии, так и в Северо-Восточной Азии в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Большая игра» в современной Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе», проект № 12-03-00007а.

¹ Цэцэгма Т. Указ.соч., с. 75–84.